

Пройдя вслед за стражниками через густой перелесок, Лу Силай вскоре увидел плотную толпу. Самого императора за спинами людей было не разглядеть, зато издалека донесся его раскатистый, добродушный хохот:

— Ха-ха, малютка Линь!

Толпа послушно расступилась, освобождая дорогу. Старый император, восседавший на коне, так и светился от радости.

— Иди сюда, — поманил он юношу. — Взгляни-ка быстрее.

Лу Силай, заинтригованный столь таинственным видом государя, поспешил спешиться и подошел ближе. В самом центре круга на земле стояла массивная железная клетка.

Присмотревшись, Силай разглядел внутри крупную дикую кошку — рыже-пеструю, с белыми подпалинами. Зверь, совершенно обессиленный, лежал на дне, но из его горла все еще вырывалось глухое, предупреждающее рычание. Из задней лапы торчала стрела, а густой мех вокруг раны пропитался кровью.

Лу Силай нахмурился, не понимая, к чему всё это, пока император не пояснил с довольной улыбкой:

— Глядя на окрас этой бестии, я сразу вспомнил о тебе. Велю выделать шкуру и на днях пришлю тебе в подарок.

Старик махнул рукой, и несколько евнухов шагнули вперед, собираясь унести клетку. Лу Силай невольно взглянул на свои рукава — одежда и впрямь точь-в-точь походила цветом на мех зверя. Когда клетку пронесли мимо, дикая кошка издала прерывистый, жалобный стон, и в сердце Силая шевельнулась жалость.

Годы скитаний и вечной погони за собственной жизнью не вытравили из него сострадания; напротив, он как никто другой знал цену каждому вздоху.

— Пойдите! — поспешно окликнул он слуг и, дождавшись их остановки, обратился к императору: — Ваше Величество, к чему мне шкура в такую жару? Позвольте мне забрать зверя и выходить его.

Император засомневался:

— Малютка Линь хочет его оставить? Зверь этот дикий, нрав у него свирепый — вряд ли он подчинится воле человека.

Силай на мгновение задумался и в шутку ответил:

— Непокорный нрав — совсем как у меня. Назову его Яньнанем, будет мне вместо брата.

Государь не выдержал и рассмеялся. Ему льстило, что Линь Яньдун так дорожит его подарком.

— Что ж, делай как знаешь, — махнул он рукой.

Так и вышло, что пока остальные везли с охоты богатую добычу, Лу Силай притащил домой полуживое существо.

Заниматься зверем всерьез Силай не стал. Он велел вытащить стрелу и перевязать рану, а после просто оставил клетку открытой, предоставив кошку самой себе. Днем Яньнаня обычно не было видно, но каждое утро брошенный во двор кусок мяса исчезал бесследно, не оставалось даже косточки. Оказалось, зверь на редкость живуч: погревшись на солнышке в саду премьер-министра семь-восемь дней, он окреп, а рана затянулась.

Первое время зверь, припадая на одну лапу, встречал любого слугу злобным рычанием. Горничные до смерти его боялись. Силай же рассудил просто: зверь дикий, как поправится — сбежит в лес, а раз людей не калечит, то и пусть себе живет.

Однако время шло, и дикая кошка всё больше стала напоминать преданного пса. Стоило Лу Силаю вернуться в поместье, Яньнань уже караулил у ворот, чтобы встретить хозяина мощным прыжком. Казалось, он и впрямь понимал своё имя: когда Силай звал его обедать, зверь прибежал из любого угла сада. Со временем и слуги перестали его бояться.

Так своенравный лесной хищник превратился в огромную пятнистую собаку. Лу Силай даже начал подумывать, что у него талант к дрессировке.

В тот день Янь Шэнь всё послеобеденное время провел у окна за книгами. Почувствовав усталость, он отложил томик, собираясь потереть глаза, как вдруг замер: прямо перед ним сидел Яньнань.

Зверь подобрался совершенно бесшумно и невесть когда устроился на подоконнике. Премьер-министр, не ожидавший такой близости, резко вскочил.

Яньнань, обладавший чутким слухом и острым чутьем, даже ухом не повел на этот шум. Он лишь лениво прищурился, глядя на Янь Шэня с полнейшим безразличием.

В этом сравнении Янь Шэнь сам больше походил на перепуганного кота.

Бросив книгу на стол, премьер-министр почувствовал, как раздражение борется с неловкостью. Он тяжело опустился в кресло. Взгляд дикой кошки следовал за каждым его движением. Янь Шэнь потер переносицу, припоминая, что Линь Яньдун называл это страшилище своим названным братом... кажется, Янь...

— Яньнань... — негромко позвал он.

Шэнь рискнул протянуть руку, чтобы погладить зверя по голове, но кошка недовольно отпрыгнула, припала к подоконнику и угрожающе зашипела.

— Ломаешь комедию? — недовольно пробормотал премьер.

Он снова взял книгу, но сосредоточиться не получалось. Взгляд то и дело возвращался к зверю. И дело было не только в рыжем мехе — сама манера Яньнаня наблюдать за ним, осторожная и внимательная, до странности напоминала Линь Яньдуна.

Стоило вспомнить об этом прохвосте, как Янь Шэнь нахмурился. Теперь тот целыми днями носился со старым императором и частенько не возвращался домой на ночь. Приходил когда вздумается, уходил когда заблагорассудится... Во что он превратил поместье премьер-министра? Чем сильнее Янь Шэнь распался, тем больше рос в нем гнев. Поддавшись какому-то нелепому порыву, он снова потянулся к кошке.

— У-а-а-арх!!!

После охотничьего съезда старый государь внезапно вспомнил о младшем сыне. Пусть мальчишка и казался глуповатым, но всё же был его плотью и кровью. Узнав, что Девятый принц годами жил без наставника, император обрушил свой гнев на евнуха Лю. Тот, пребывая в неведении, поспешил найти виновных среди дворцовой челяди. Слуги, некогда пренебрегавшие Сяо Цзю, затрепетали от страха, но юный принц, помолчав, кротко ответил, что никто его не обижал. На том дело и замяли к общему облегчению.

На замену Линь Яньдуну император назначил нового учителя — наставника Аня, степенного ученого из академии Ханьлинь. Лу Силай уже пересекался с ним: этот старик, всецело преданный науке, даже в чиновничьем платье выглядел как бессмертный даос. С его кротким и благородным нравом Сяо Цзю был в полной безопасности, и Силай наконец смог вздохнуть спокойно.

Император же, уладив дела сына, больше не желал слушать о Девятом принце. Силай вовремя почувствовал это раздражение — он понимал, что дальнейшие расспросы лишь поставят Сяо Цзю под удар, а потому благоразумно замолчал.

Но была и другая забота — грядущее через пять дней празднование юбилея Хэ Юйху. Янь Шэнь отдал четкий приказ: любым способом заманить туда императора. Если государь не явится, получится, что Хэ Юйху в глазах двора проигрывает государственному дяде Ляну, а значит, Третий принц уступает Наследному принцу.

— Девять из десяти чиновников при дворе — бестолочи. Куда ветер дует, туда они и валятся.

Только Янь Шэнь мог позволить себе подобные речи. Дойди эти слова до чужих ушей — и каждый из этих десяти (а заодно и пара лишних) непременно принял бы это на свой счет, затаив смертельную обиду.

Самому Лу Силаю не было дела ни до принцев, ни до Хэ Юйху, ни до чужой глупости. Но перспектива воцарения Наследного принца... Что бы он ни думал о благе народа, о собственной шкуре он пёкся исправно. А потому «подушка безопасности» в его лице шептала императору на ушко день за днем, пока старик наконец не сдался:

— Ладно, ладно, я приду. Хэ Юйху прослужил короне двадцать лет, я не настолько черств, чтобы лишать его такой милости.

Лу Силай подумал: «Отец Янь Шэня служил тебе еще дольше, однако это не помешало тебе снести головы всей его семье». Императорская милость — вещь непредсказуемая.

Как бы то ни было, он был рад, что смог помочь Янь Шэню. Вернувшись в поместье в приподнятом настроении, Силай узнал от Лайфу, что господин премьер-министр в кабинете. Он не спеша направился туда, чтобы доложить об успехе, но стоило ему подойти к дверям, как изнутри донесся истошный кошачий вопль.

Любой дурак бы понял, что это кричит Яньнань. Силай в тревоге рванул на себя дверь и замер на пороге, пораженный увиденным.

Янь Шэнь с самым серьезным видом сосредоточенно дергал Яньнаня за усы.

Картина была настолько нелепой, что Лу Силаю потребовалось время, чтобы осознать происходящее. Премьер-министр империи... дерет кошку за усы? Его обычно острый ум зашел в тупик, но, видя страдания «брата», он первым делом выкрикнул:

— Ты... ты что творишь?!

Янь Шэнь от неожиданности вздрогнул и непроизвольно разжал пальцы. Яньнань, не теряя ни секунды, перемахнул через всю комнату и приземлился прямо на голову Лу Силаю. Вцепившись когтями в его плечи, зверь яростно зашипел на обидчика.

— Тяжелый же ты!

Лу Силай пошатнулся, но, даже согнувшись под весом зверя, гневно уставился на Янь Шэня:

— Зачем ты тянешь его за усы?! Зачем ты обижаешь моего брата?!

Зная пугливый и податливый нрав Линь Яньдуна, Янь Шэнь поначалу хотел ответить грубостью на грубость, но, взглянув на эту парочку, не сдержал усмешки.

Две головы, одна над другой, смотрели на него с абсолютно одинаковым выражением глаз.

— Над чем ты смеешься?! — прорычал Линь Яньдун, и кошка вторила ему утробным рыком.

Янь Шэнь не стал объясняться. Он лишь поднял руку и продемонстрировал тыльную сторону ладони: три кровавые борозды отчетливо выделялись на белой коже.

Раны были неглубокими, и боли Янь Шэнь почти не чувствовал. Но он ждал...

И Лу Силай не подвел. С коротким вскриком «ах!», он мгновенно забыл о «брате» и бросился к Янь Шэню. С лицом, полным искренней муки, он бережно подхватил изящную руку премьер-министра и принялся осторожно на нее дуть. Как бы Яньнань ни топтался по его голове, впиваясь когтями в волосы, Силай не обращал на него ни малейшего внимания.

Янь Шэнь горько усмехнулся про себя. Глядя на эту трогательную заботу, он невольно подумал: неужели ему обязательно нужно пострадать или попасть в беду, чтобы этот человек кружил вокруг него с таким рвением?

Но Янь Шэню нужно было не это. Как бы ни раздражало порой присутствие этого прохвоста, мысль о том, что Силай может принадлежать кому-то другому, была невыносима. Он хотел, чтобы тот был только его. Всегда.

«Что я вообще творю?» — Янь Шэнь искоса взглянул на притихшего Яньнаня. Нелепость ситуации дошла до него: он сорвался на кошку, а теперь...

«...ревную?»

От этой мысли он похолодел, гнев вспыхнул с новой силой. Он резко вырвал руку и наотмашь вlepил Линь Яньдуну пощечину.

Бедный Лу Силай, понятия не имевший о буре в душе премьера, схватился за щеку. Вид у него был такой обиженный, что он едва не разрыдался.

— За что на этот раз?!

Но прежде чем он успел пустить слезу, Янь Шэнь властно перехватил его за подбородок.

Чтобы этот легкомысленный мерзавец принадлежал только ему, нужно было перевести их отношения на новый уровень. Янь Шэнь внимательно всмотрелся в испуганные глаза Силая и, приняв решение, склонился к нему.

Второй раз всегда дается легче первого. Янь Шэнь вовлек его в прямой и глубокий поцелуй. Лу Силай вздрогнул всем телом; даже Яньнань, перепугавшись, соскочил с его плеч и, цокая когтями по полу, пулей вылетел из кабинета.

— М-м... м-м-м!!! — Лу Силай попытался отстраниться, но Янь Шэнь одним резким движением прижал его к письменному столу, не прерывая поцелуя. Силай отчаянно сопротивлялся, гадая, как же так вышло: за несколько дней ситуация изменилась до неузнаваемости.

«Почему эти юнцы так быстро всему учатся?!»

После долгого поцелуя Янь Шэнь наконец отстранился. Лу Силай тут же воспользовался моментом, чтобы выразить протест:

— Янь-Янь-Янь Шэнь! Ты что творишь?!

— А... — Силай не успел договорить, как мир вокруг качнулся.

Янь Шэнь подхватил его под колени и уложил прямо на длинный письменный стол. Лу Силай оказался в крайне уязвимом положении, глядя на нависшего над ним премьер-министра.

Но молчать было нельзя! Раз уж силой он не мог тягаться с Янь Шэнем, в его распоряжении оставался только язык.

Лу Силай мгновенно подогнул колени, сворачиваясь клубочком и отворачиваясь. Прикрыв пылающее лицо руками, он самым жеманным, доводящим до иступления голосом пролепетал:

— Господин, ну что же вы... не здесь, не так!

Движения Янь Шэня замерли.

«Сработало... Слава богам».

Пока Лу Силай облегченно переводил дух, радуясь, что у Янь Шэня не такая стальная выдержка, как у Чжао Цзинжэня, он почувствовал, как его запястье перехватили. Янь Шэнь с силой отвел его руку от лица.

Преграда исчезла, и Силай встретился взглядом с премьер-министром. Тот смотрел на него предельно серьезно и отчетливо, чеканя каждое слово, спросил:

— Почему?

«В каком смысле — почему?!» — Лу Силая прошиб холодный пот.

Янь Шэнь нахмурился, в его голосе проступила суровость:

— Ты вечно рыщешь повсюду в поисках красоты. Что же, я тебе не мил?

— Нет, нет... Ты не понимаешь...

— Не бойся, — отрезал Янь Шэнь. — Уж я-то знаю, что нужно делать.

С этими словами он перевернул Силая на спину и снова потянулся к его вороту.

Лу Силай в панике вцепился в одежду и снова попытался сжаться в комок:

— Нет, всё не так...

— А как тогда? — спросил Янь Шэнь. Для его взрывного темперамента он проявлял сейчас просто нечеловеческое терпение.

—... Такие... такие дела... — Силай запнулся, не зная, как совладать с упрямством премьера. Наконец он выпрямился и выпалил: —... Здесь нужны... чувства! Атмосфера! Романтика!

— Атмосфера?

Заметив, что Янь Шэнь на мгновение задумался, Лу Силай окреп голосом:

— Именно! Нужна романтика!

Пользуясь заминкой, он соскочил со стола и, поспешно оправляя одежду, бросился к дверям.

— Без романтики я не согласен! — крикнул он уже на бегу и бросился наутек, словно за ним гнались все демоны преисподней.

Янь Шэнь еще долго стоял в той же позе, опираясь на стол и пытаясь унять гнев. Наконец он

резко взмахнул широким рукавом, смахивая на пол ворох бумаг и бамбуковых дощечек.

<http://bllate.org/book/17426/1696584>